

Обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго.

(Продолженіе).

По выдѣленіи изъ *’Аж* и *Оѡр. Кр.*¹⁾ посторонняго матеріала, внесеннаго въ житіе Климента Аванасіемъ Паросскимъ, у насъ остается новогреческій переводъ житія. Задавшись цѣлью отпереть „ключомъ перевода“ древній текстъ его, запертый для многихъ „замками эллинскаго языка“, переводчикъ въ то же время подвергъ его сокращеніямъ и нѣкоторымъ измѣненіямъ. Но въ общемъ, благодаря оговоркамъ и примѣчаніямъ, которыми снабжены оба изданія, за новогреческими переработками довольно отчетливо видна ихъ древняя основа. Она оказывается общей для *’Аж* и для *Оѡр. Кр.*, свидѣтельствуя о томъ, что для обоихъ изданій у Аванасія былъ одинъ и тотъ же оригиналъ. Существенно важно установить, послужило-ли для Аванасія такимъ оригиналомъ какое-либо печатное изданіе, или же онъ имѣлъ у себя рукописный текстъ, представляющій собою новый списокъ его. Хронологія изданій ясно показываетъ, что ему могло быть доступно лишь одно изъ нихъ—московское. Правда, книга *Оѡр. Кр.* вышла въ свѣтъ спустя 3 года послѣ появленія вѣнскаго изданія житія, предпринятаго Амвросіемъ Пампереемъ, но мы знаемъ изъ предисловія къ ней, что она окончательно была приготовлена къ печати еще въ 1795 году, т. е., за семь лѣтъ до появленія изданія Памперея.

¹⁾ *Μεταφρασις* и *Οὐρανίου Κρίσις*, изд. Аванасія Паросскаго.

Но воспользовался-ли Аѳанасій для своихъ переработокъ мосхопольскимъ изданіемъ? Есть основанія не только для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но и для предположенія, что оно ему осталось совершенно неизвѣстнымъ. 1) На титульномъ листѣ *Оѳр. Кр.* есть фраза: *τὸν δεῦτερον πλῆ-
ρον ἐκδόεται ἕτε κολοσσαεὶς τὰ καιρὰ παρὰ τινος ὁ πρότερον
ἐν Βερετῆς τυπωθεὶς* (1-ое изд.). На основаніи этихъ словъ можно догадываться, что Аѳанасій считалъ свои переводы первыми печатными изданіями житія вообще. 2) Въ венеціанское изданіе вмѣстѣ съ житіемъ вошла и служба св. Клименту, но она по своему составу и расположенію частей отличается отъ службы въ мосхопольскомъ изданіи. 3) Наконецъ, рѣшительное значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ отличія въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, какъ они напечатаны у Аѳанасія, по сравненію съ мосхопольскимъ изд.: *Ῥαδὴσλαβος* *Аз.* (два раза)¹⁾—*Ρασιθσλαβος* *Моск. изд.*, *Σφερδόπλιχος* *Аз.*, *Οὐρ. Кр.*—*Σφερτόροπλιχος* *Моск. изд.* Эти и подобныя отличія не могли бы явиться, еслибы для Аѳанасія оригиналомъ служило мосхопольское изданіе. Объяснить ихъ недостаточнымъ вниманіемъ издателя къ подлиннику также нельзя, потому что онъ останавливается на имени *Σφερδόπλιχος*, сопоставляя его въ примѣчаніи съ *Σφερδόπλιχος* Константина Порфиророднаго.

Такимъ образомъ, за новогреческими текстами Аѳанасія скрывается еще одинъ списокъ житія, по всей вѣроятности бывший въ обращеніи въ монастырѣ Продрома или въ Хиландарскомъ монастырѣ, откуда была доставлена ему и греческая повѣсть о Кириллѣ и Меодіи. Разумѣется, нѣтъ возможности установить во всѣхъ подробностяхъ текстъ этого списка, такъ какъ переводчикъ не вездѣ рабски слѣдовалъ своему подлиннику. Но нѣкоторыя особенности его выступаютъ настолько отчетливо, что о нихъ можно говорить съ весьма значительной долей увѣренности. Нужно замѣтить при этомъ, что отъ опасности смѣшать ихъ съ измѣненіями или опущеніями Аѳанасія избавляютъ постоянныя оговорки, которыми обычно сопровождаются послѣднія. Онъ никогда самовольно не устраняетъ изъ текста неясностей или несообразностей подлинника, предпочитая оставить

¹⁾ Въ *Оѳр. Кр.* соответствующее мѣсто опущено.

ихъ въ переводѣ и лишь сопровождая ихъ въ примѣчаніяхъ собственными объясненіями или соображеніями ¹⁾. Имѣя въ виду такія свойства редакторской работы Аѳанасія, съ большою увѣренностью слѣдуетъ отнести на счетъ подлинника три наиболѣе важныя особенности *Аз. и Оср. Кр.*: 1) отсутствіе извѣстнаго *ἡμῖν* при *τοῖς Βουλγάροις* (XXII гл.), служившаго для нѣкоторыхъ изслѣдователей препятствіемъ для признанія составителя житія грекомъ, такъ что соотвѣтствующее мѣсто здѣсь читается просто: *παρέδοκεν εἰς τοῖς Βουλγάροις*; 2) отсутствіе упоминанія о скинскомъ мечѣ, упившемся кровью болгарской (XXIX гл.); 3) замѣна выраженія, относящагося къ Меодію: *τέταρτον μὲν πρὸς τῷ εἰκοστῷ ἔτος τῇ ἀρχιερωσύνῃ ἐμπερῶσα*: фразой: *εἰκοστίσδοκα ἐχρόνου ἐποίμαγε τὸ ἐμπιστευθὲν αὐτῷ ποιῆσιον* (VI гл.). Отсутствіе первыхъ двухъ выраженій и замѣна третьяго, при наличности въ переводѣ другихъ затруднительныхъ для пониманія мѣстъ и при категорическомъ заявленіи переводчика: *ἐπ' ἐδῶ συ-εχῶς ἀκολουθεῖ ἢ τοῦ Θεοφυλίχτου μεταφράσεως*, свидѣлствуетъ о наличности такихъ особенностей въ томъ спискѣ, который былъ въ рукахъ у Аѳанасія ²⁾.

Общимъ результатомъ предложеннаго обзора текстовъ и изданій житія являются положенія: а) ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ непосредственно или по изданіямъ списковъ житія не можетъ быть признанъ основнымъ, такъ какъ все они—снп. монастыря св. Наума, Охридскій и Аѳанасія Паросскаго—заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ вариантовъ и особенностей различнаго достоинства; б) взаимоотношеніе этихъ снп. не поддается точному объясненію; в) картина первоначальнаго текста возстановляется лишь отчасти путемъ объединенія отдѣльных особенностей его, уцѣлѣвшихъ въ разныхъ снп.

Принимая въ расчетъ данныя, которыя получились изъ анализа текстовъ и изданій житія, мы обратимся къ исторической критикѣ памятника. И прежде всего нельзя пройти

¹⁾ Ср., напр. замѣчанія Аѳанасія по поводу *Μόρσεως*, *Σπριγγου*, *Κοκκινοῦ* *Ἰβρίτου* и *Κοτόκιου*, *Λαφρίτου* и *Βελίτου*, по поводу упоминанія о путешествіи свв. братьевъ въ Римъ по примѣру ап. Павла или по поводу словъ составителя житія о своей близости къ Клименту и проч.

²⁾ Есть еще нѣсколько особенностей въ изданіяхъ Аѳанасія, не оговоренныхъ имъ, но мы не рѣшаемся съ увѣренностью приписать ихъ оригиналу.

равнодушно мимо стараго вопроса объ авторѣ его ¹⁾. Этотъ вопросъ возникъ и породилъ разнообразныя рѣшенія въ за-

¹⁾ Исторія изслѣдованія житія характеризуется постоянными колебаніями научной критики въ рѣшеніи вопроса объ авторѣ и исторической цѣнности его сообщеній, въ зависимости отъ противорѣчивыхъ данныхъ, заключающихся въ житіи. Нѣсколько замѣчаній объ авторѣ, въ смыслѣ признанія его неправовѣрнымъ съ католической точки зрѣнія, сдѣлали еще *Л. А.ляцій* (op. cit.) и *Ассемани* (op. cit.), на основаніи впервые изданныхъ ими отрывковъ житія. Цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу разныхъ отдѣльныхъ сообщеній житія разбѣявъ въ издавіяхъ *Аванасія Паросскаго*, въ особенності въ примѣчаніяхъ. Во многомъ овъ удивительнымъ образомъ превосхищаетъ мнѣнія послѣдующихъ изслѣдователей, особенно Е. Е. Голубинскаго, который, однако, его изданіями не пользовался. Впрочемъ, Аванасій отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ написанію житія и призналъ авторомъ Теофилакта, архіепа болгарскаго, считая его въ то же время ученикомъ Климента. Очевидно, время жизни Теофилакта ему не было извѣстно. Впервые ясно поставилъ вопросъ о времени жизни и личности автора *Добровскій*. Свидѣтельство заглавія не внушало ему довѣрія, такъ какъ, съ одной стороны, въ ватиканскомъ отрывкѣ имени Теофилакта недостаетъ, съ другой—извѣстны случаи, когда именами знаменитыхъ писателей старались придать авторитетъ сочиненіямъ неизвѣстныхъ авторовъ. Но не болѣе убѣдительнымъ казалось ему и упоминаніе жизнеписателя о своей современности съ Климентомъ. Содержаніе житія внушало Добровскому мысль о принадлежности его писателю, жившему даже постъ Теофилакта. (Кириллъ и Меодій, 6—7). Русскій переводчикъ труда Добровскаго—*Погодинъ* примкнулъ всецѣло къ его мнѣнію. Замѣчанія Погодина направлены на опроверженіе *Блумбергера*, который хотѣлъ видѣть въ жизнеописателѣ избраннаго ученика Климента (Cyrill und Method. Jahrbucher d. Literatur, Wien, B. XXIV, 1824). Важное историческое значеніе за житіемъ признавалъ и *Неандеръ*. (Geschichte d. christl. Religion und Kirche, Hamburg, 1836, B. IV, S. 476). *Шафарикъ* считалъ авторомъ житія Теофилакта, но въ томъ только смыслѣ, что Теофилактъ лишь обновилъ и исправилъ жизнеописаніе, составленное прежде ученикомъ Климента (Расцвѣтъ слав. писемъ въ Булгаріи, пер. Бодянскаго въ Читеніяхъ въ Общ. Изв. и Древн. Росс. 1848 г., № 7, стр. 44). Иначе взглянули на дѣло *Миклошичъ* и *Бодянский*. Первый высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что житіе относится къ X вѣку и принадлежитъ тому ученику Климента, который говоритъ о себѣ въ XVIII главѣ, а имя Теофилакта поставлено въ заглавіи только для того, чтобы придать повѣствованію больше авторитета. (Vita Clementis, p. VII). Второй также призналъ житіе за памятникъ X вѣка, составленный однимъ изъ учениковъ славянскихъ благовѣстниковъ, по происхожденію болгаринемъ. Возникающій отсюда вопросъ о причинѣ, заставившей болгарина писать на языкъ греческомъ, у Бодянскаго рѣшается предположеніемъ, что подлинникъ житія былъ составленъ на славянскомъ и только впоследствии переведенъ къъ-то на греческій языкъ. „Я той мысли—

висимости отъ противорѣчивыхъ данныхъ, заключающихся въ самомъ житіи. Въ немъ есть сообщенія, которыя могли

писалъ Бодянский,—что когда-нибудь, при большемъ знакомствѣ съ сокровищами нашей церковно-славянской письменности, откроется и самый славянский подлинникъ оваго“. (О врем. происх. слав. письм., стрр. 9—10 и IV—V). Слабость мнѣній Миклошича и Бодянскаго заключается въ совершенномъ игнорированіи тѣхъ мѣстъ житія, которыя посятъ на себѣ несомнѣнныя черты позднѣшняго происхожденія. Въ послѣдующее время въ Кирилло-Методіевской литературѣ нашъ памятникъ не приобрѣлъ никакаго новаго освѣщенія до появленія трудовъ А. Д. Воронова и Е. Е. Голубинскаго. Одни изслѣдователи—Дюмmlеръ (Archiv für Oest. Gesch. B. XII, S. 154), Лавровскій (Св. Кириллъ и Методій, какъ православно-проповѣдники и учителя у западн. славянъ. *Духовн. Вѣстн.* 1863, т. V, стр. 91—92)—повторяли мнѣніе Миклошича и Бодянскаго; другіе—Викторовъ (Кир.-Мет. Сборн., изд. Погодинымъ, 1865, стр. 373), Гильфердингъ (Собр. сочин., т. I, СПб. 1868, стр. 320. Ср. Кир.-Мет. Сборн. 1865, стр. 179),—вслѣдъ за Шафарикомъ, призывали въ немъ позднѣйшую искусственную переработку первоначальнаго сказанія ученика, принадлежащую Теофилакту; нѣкоторые безъ ограниченій усвоили его цѣликомъ послѣдующему (*Палаузовъ*, Въкѣ болг. царя Симеона. СПб. 1852, 74 стр.). Преосв. Филаретъ и арх. Леонидъ сдѣлали любозпытную, но совершенно неудовлетворительную съ точки зрѣнія исторической критики, попытку отождествить автора—ученика Климентова съ личностью другого Теофилакта, болгарскаго архіепископа, жившаго будто-бы въ X в. Первоначальный текстъ житія, по соображеніямъ арх. Левида, долженъ бытъ славянскимъ. (*Извѣстія въ Общ. Ист. и Древн. росс. 1870, кн. IV, 8—19 стрр.*). При такомъ неопредѣленномъ положеніи вопроса взялись за рѣшеніе его Вороновъ и Е. Е. Голубинскій. Оба они нашли въ немъ положительныя признаки, заставляющіе удалять его происхожденіе почти на два вѣка отъ времени описываемыхъ событій. Но вопросъ о личности автора и цѣнности фактическаго матеріала рѣшенъ ими различно. Вороновъ съ рѣдкой научной эрудиціей отстаивалъ принадлежность житія цѣликомъ, въ его наличномъ видѣ, Теофилакту и признавалъ за многими сообщеніями его значительную историческую цѣнность. (Глави. Источн. 109—139). Уязвимую сторону аргументаціи Воронова составляетъ попытка приписать Теофилакту и тѣ выраженія, въ которыхъ авторъ говоритъ о себѣ, какъ о болгаринѣ и ученикѣ Климента. Но И. В. Ягичъ въ рецензійи на книгу Воронова выразилъ сомнѣніе въ авторствѣ Теофилакта и призналъ возможнымъ объяснить противорѣчія въ содержаніи житія только порчей или интерполяціей текста (*Die n-usten Forschung. über die slav. Apost. Cyrill und Methodius въ Arch. f. sl. Phil.*, IV, pp. 110—116). Е. Е. Голубинскій отнесся до крайности скептически къ житію, его автору и заключающемуся въ немъ фактическому матеріалу. Взгляды Голубинскаго, въ общнхъ чертахъ выраженный въ его юбилейной рѣчи о свв. Кириллѣ и Методіи („Св. Констант. и Мет., первоучители славянскіе“ М. 1885, стрр. 54—7), подробно развиты и аргументированы въ его рукопис-

появиться спустя столѣтіе и болѣе послѣ смерти Климента (916 г.). Особенную опредѣленность въ этомъ смыслѣ имѣеть упоминаніе о томъ, что одна изъ церквей, построенныхъ Климентомъ въ Охридѣ, „впослѣдствіи сдѣлалась архіепископской кафедрой“ (гл. XXIII). Но послѣдняя была перенесена въ Охриду лишь при архіепископѣ Филиппѣ, не ранѣе 1014—15 г.г. По тону разсказа видно, что изображаемая эпоха во время автора давно уже сдѣлалась достояніемъ исторіи,— и, говоря о болгарскомъ царѣ Борисѣ, онъ находитъ нуж-

номъ сочиненія „Св. Константинъ и Меодій, апостолы славянскіе“, ч. II, къ великому ущербу для науки не появившемся въ печати. Въ составитель житія онъ видитъ „невѣжественно-беззащитнаго греческаго фальсификатора, преднамѣренно выдающаго себя за ученика Климента, но на самомъ дѣлѣ жившаго даже послѣ Теофилакта“. Исчерпавъ всѣ противорѣчія, ложныя показанія и нелѣпности содержанія, Голубинскій доказываетъ полную недостоверность, даже безусловную лживость всего памятника. Все значеніе его сводится къ тому, что за нимъ скрывается болѣе древнее краткое повѣствованіе о Климентѣ, положенное въ основу той части, въ которой собственно рѣчь идетъ о Климентѣ. Въ этомъ отношеніи взглядъ Голубинскаго совпадаетъ съ мнѣніемъ Шафарика, но размеры первоисточника ему представлялись незначительными. „Тамъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей ркиси—примѣрно читалось слѣдующее: „умершу доброму пастырю, не сотворися тако, якоже онъ завѣща, не бысть настольникъ ему, егоже онъ показа, Гораздъ, но изволепіемъ напеча вданъ бысть единъ отъ вѣмецъ, иже болятъ юнаторскою ересію, смуже имя Вихникъ, и тако начаша смущати люди и вадвизати словесау Справъ, блаженный же Климентъ со иными авкїими отъиде сюду на страны болгарскія“. Вотъ и вся—по Е. Е. Голубинскому—основа житія! II. II *Срезневскій* въ своей рецензїи на соч. Голубинскаго далеко не согласился съ крайне скептическимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Ни одинъ изъ ученыхъ не примкнулъ къ его мнѣнію. *Мальшевскій*, хотя видѣлъ въ житїи позднюю переработку начальнаго сказанія, но относился къ сообщеніямъ его съ довѣріемъ и воспользовался ими для послѣдней главы своего изслѣдованія: „Св. Кирилль и Меодій“, Киевъ, 1886, особенно 370—377 стрр. По мнѣнію *Новаковича*, житіе появилось пе позже первой половины XI в., когда Охридская архіепископія должна была защищать свою самостоятельность. *Пастернекъ* ограничивается ссылкой на разнообразныя мнѣнія предшствующихъ ученыхъ, не рѣшая вопроса на свой страхъ (*Dějiny slov. ar. Cyrilla a Methoda*, 30—41). По мнѣнію *Снопка*, авторомъ житія Теофилактъ не могъ быть, и исторической цѣнности оно не имѣеть. Здѣсь слиты въ одно лицо два Климента: ученикъ Меодіевъ и епископъ Словенскій (*Snopka Fr. Studie cyrillo-metodajské*, V Brno. 1906). II. А. *Лавровъ* склоняется къ призванію авторства Теофилакта (Житіе св. Наума Охридскаго, СПб. 1907, 45).

нымъ опредѣлить время жизни его царствованіемъ его современника, греческаго императора Михаила. Биографическія подробности, касающіяся царей Бориса, Владиміра и Симеона, искажены (гл. XII). Наличие сохранившихся сочиненій Климента извѣстна автору лишь по слухамъ (гл. XXII). Полемика противъ западнаго ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Сына принимаетъ такія яркія черты, какія были возможны только подъ условіемъ уже окончательно укрѣпившагося на западѣ исповѣданія новаго догмата. Однакожъ, при наличности такихъ данныхъ для опредѣленія времени жизни автора, послѣдній въ гл. XVIII неожиданно называетъ себя приближеннѣйшимъ ученикомъ Климента и свидѣтелемъ его жизни и трудовъ: *ἡμῶν δὲ τοῦς τελευταίους—* говоритъ онъ о себѣ—*καὶ ἀναξίους οἰκειοτέρους τῶν ἄλλων διὰ πλείονα τῆς χρηστότητος ἐποιήσατο, καὶ πάντοτε συγγίμεν αὐτῷ πᾶσι παρακολουθοῦντες οἷς ἐπράττεν, οἷς ἐλέγεν, οἷς δὲ ἀμφοτέρω ἐδίδασκεν* и т. д. И дѣйствительно, онъ сообщаетъ о немъ такія подробности, которыя могли быть извѣстны только близкому къ нему лицу. На основаніи столь противорѣчивыхъ данныхъ въ литературѣ возникли два различныхъ мнѣнія объ авторѣ житія: одни стремились отстоять указаніе автора на свою непосредственную близость къ описываемому лицу (XVIII гл.) и признавали его ученикомъ Климента, игнорируя противорѣчашія этому данныя; другіе приурочивали житіе ко времени и личности бл. Теофилакта, архіепископа Охридскаго († 1107—8 г.), имя котораго стоитъ въ надписаніи, или другого грека, жившаго даже послѣ Теофилакта, но не позднѣе половины 12-го вѣка, такъ какъ появившійся около этого времени каталогъ болгарскихъ архіепископовъ, изданный *Дю-Канжемъ* ¹⁾, составленъ уже на основаніи житія Климента.

Изъ нѣсколькихъ попытокъ примирить противорѣчія въ настоящее время пользуется авторитетомъ только одна, впервые предложенная Шафарикомъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принятая другими изслѣдователями. Она состоитъ въ признаніи наличной редакціи житія поздней передѣлкой древняго сказанія о Климентѣ, дѣйствительно, принадле-

¹⁾ Familiae Byzantinae, ed. Paris, cap. 23, p. 174. О каталогѣ архіепископовъ—у *Голубинскаго*, Кратк. оч. ист. прав. церковей. М. 1871, стр. 38.

жавшаго его ученику, при чемъ позднѣйшій редакторъ въ XVIII главѣ будто-бы оставилъ совершенно нетронутымъ свой первоисточникъ. Но этой, по существу весьма вѣроятной, догадкой возбуждается, оставаясь нерѣшеннымъ, очень важный вопросъ: почему же въ цѣлый и стройный рассказъ житія вторгается только въ одномъ мѣстѣ нетронутый отрывокъ источника, въ которомъ ведется рѣчь отъ имени Климентова ученика? почему составитель, безусловно опытный и искусный писатель, въ одномъ только мѣстѣ, и при томъ безъ всякихъ оговорокъ, оставилъ древнѣйшій текстъ неизмѣненнымъ въ соотвѣтствіи со всей редакціей житія? Равнымъ образомъ при допущеніи такого объясненія остается неяснымъ, что собственно должно быть отнесено на долю перваго составителя житія и что на долю позднѣйшаго.

Затрудненіе, создаваемое темнымъ мѣстомъ XVIII главы, не устраняется и другими объясненіями. Трудно, вмѣстѣ съ Добровскимъ и Е. Е. Голубинскимъ, видѣть здѣсь фальсификацію автора, который, выдавая себя за ученика Климентова, будто бы сознательно вводитъ въ обманъ читателя: наивность такой фальсификаціи совершенно противорѣчила бы стройной и цѣлостной обработкѣ житія. Еслибы авторъ былъ фальсификаторомъ, то, при своемъ литературномъ талантѣ, онъ нашелъ бы болѣе искусные приемы для того, чтобы ввести въ заблужденіе читателя. Но нельзя успокоиться и на объясненіи покойнаго Воронова, который хотѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ житіемъ приписать и XVIII гл. цѣликомъ бл. Теофилакту Болгарскому, придавъ темному мѣсту не прямой, а переносный смыслъ. Идеализируя отношенія Теофилакта къ болгарамъ, онъ допускалъ, что Теофилактъ отождествляетъ себя съ непосредственными сослуживцами святого, какъ членъ болгарской церкви, какъ монахъ и епископъ того города, гдѣ подвизался и Климентъ, и въ этомъ смыслѣ говорить о своей близости къ нему, какъ къ учителю ¹⁾. Но не говоря уже о томъ, что совершенная простота и безыскусственность рѣчи въ разбираемомъ мѣстѣ исключаютъ всякую возможность переноснаго пониманія его,—Теофилактъ держался въ такомъ отдаленіи отъ своей паствы, весь проникнутъ былъ такой нескрываемою ненавистью къ

¹⁾ Главн. источн. 136.

болгарамъ, что едва-ли могъ бы представлять себя въ идиллическомъ единствѣ со своей „варварской“ паствою ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что строки, въ которыхъ ведется рѣчь отъ имени скромнаго Климентова ученика, въ дѣйствительности только ему и могутъ принадлежать. Это—совершенно нетропутой рукою редактора отрывокъ изъ подлиннаго произведенія Климентова ученика, описавшаго, вѣроятно, первоначально на славянскомъ языкѣ, жизнь своего учителя. Но какъ онъ могъ попасть въ текстъ житія безъ соответствующаго измѣненія? Намъ кажется, объясненіе всего этого вопроса убѣдительно подсказывается тѣмъ спискомъ, который былъ въ распоряженіи Аѳанасія Паросскаго. Изъ двухъ мѣстъ, въ которыхъ рѣчь ведется отъ перваго лица, не тождественнаго съ авторомъ, въ этотъ списокъ вошло цѣликомъ одно—разбираемое выраженіе, другого же—знаменитаго *ἡμῶν* при *βουλύροις* (XII гл.)—здѣсь нѣтъ. Отсутствіе послѣдняго въ списокѣ Аѳанасія и неумѣстность его въ другихъ спискахъ ведетъ къ заключенію, что оно не принадлежало составителю, но было внесено въ текстъ, въ качествѣ глоссы, какимъ-то болгарскимъ патріотомъ, который, перечитывая или переписывая греческое житіе, почувствовалъ въ себѣ побужденіе подчеркнуть близость болгарскаго народа къ святителю и какъ бы отмѣтить причастность болгарскаго сознанія къ содержанію житія. Отсюда является увѣренность, что и другое изъ указанныхъ мѣстъ, начинающееся также съ *ἡμῶν* и заключающее въ себѣ свидѣтельство Климентова ученика, взято изъ древняго житія и прибавлено здѣсь тѣмъ же лицомъ и по тѣмъ же побужденіямъ. Будучи

1) Изъ того, что Теофилактъ, какъ житель Болгаріи, называетъ мѣстныхъ сборщиковъ. можетъ быть—грековъ, и казначейство „своими“ (*ἡμετέροις Βουλύροις καστοροῖς ἐν καίτοις ἡμῶν*), а Тверіупольскихъ святыхъ, мощи которыхъ покоились въ Брѣгальницѣ, „находящимися у насъ“ (*τῶν καθ' ἡμῶν*), никакимъ образомъ не слѣдуетъ, что онъ могъ представлять себя въ полномъ единеніи съ болгарскимъ народомъ. Еще менѣе слѣдуетъ это изъ выраженія *λαοῦ μοῦ*, на которое ссылается Вороновъ (Главн. источн. 134), такъ какъ этими словами Теофилактъ вовсе ничего не говоритъ о своемъ отношеніи къ болгарскому народу, а просто приводитъ текстъ Iep. IX, II: *τίς δόσει τῇ κεφαλῇ μοῦ ὕδωρ... καὶ κλαύσομαι τό τε τῆς θρυγατρῶς τοῦ λαοῦ μοῦ ἀντιομίαι*,—дальше повторяетъ то же съ видоизмѣненіемъ: *τῆς Μητρὸς τοῦ λαοῦ μοῦ*, и потомъ посвящаетъ: *τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας*.

значительнымъ по объему, это свидѣтельство очень рано съ поля рукописи было внесено въ текстъ житія и слилось съ нимъ, хотя и не особенно удачно, между тѣмъ какъ *ἡμῖν*, въ качествѣ краткой глоссы, осталось въ нѣкоторыхъ спискахъ невнесеннымъ въ текстъ. Въ такомъ видѣ былъ, вѣроятно, и списокъ Аѳанасія, благодаря чему *ἡμῖν* оставлено было имъ безъ вниманія и не вызвало никакихъ замѣчаній.

Съ такимъ представленіемъ дѣла находится въ полномъ соответствіи послѣдовательность мыслей въ XVIII главѣ. Можно совершенно выбросить то мѣсто, гдѣ рѣчь ведется отъ 1-го лица, и порядокъ мыслей здѣсь нисколько не будетъ нарушенъ. Съ другой стороны, неестественно допустить, чтобы одинъ и тотъ же составитель, назвавъ себя „смиренымъ и недостойнымъ“ ученикомъ Климента, черезъ нѣсколько строкъ могъ написать: „ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ“ и т. д. Ясно, что въ XVIII гл. нужно различать двухъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ, болгаринъ, интерполировалъ греческій текстъ дословной выдержкой изъ того же древняго сказанія о Климентѣ, которое положено въ основу житія и первымъ составителемъ.

Обращаясь теперь къ личности составителя житія, можно съ увѣренностью говорить о немъ, какъ о грекѣ. Если изслѣдователямъ приходилось считаться съ знаменитымъ *ἡμῖν βοῦλῆ-ροισ*, какъ съ препятствіемъ для полной увѣренности въ этомъ, то теперь, при отсутствіи *ἡμῖν* въ изданіяхъ Аѳанасія, это препятствіе въ значительной степени теряетъ свою силу. Въ житіи есть достаточное количество признаковъ того, что оно написано грекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только гордый своими національными достоинствами грекъ могъ допустить такіа рѣзкія выраженія о болгарахъ, хотя бы то еще и не обращенныхъ въ христіанство, какими переполнено житіе. Они представляются людьми невѣжественными (XXI), дикими, свирѣпыми, грубыми (XXIII), даже ихъ цари—варварами (XXVI), священники—скотоподобными (XXII)¹⁾, ихъ страна—мрачною (II), языкъ—грубымъ (II) въ противоположность прекрасному языку греческому (IV).

Однакожь, несмотря на свой высококомѣрный тонъ въ ха-

¹⁾ *Κτηνοβόαι*: въ русскомъ переводѣ смягчено передается словомъ „непросвѣщенны“.

рактистикъ болгаръ, авторъ стоялъ въ отношеніи нѣкоторой близости къ нимъ, къ ихъ жизни и исторіи. Уже одно то, что онъ взялъ на себя трудъ описать дѣятельность славянскихъ просвѣтителей, свидѣтельствуетъ объ его живомъ интересѣ къ прошлому Болгаріи. Онъ признаетъ великія заслуги Климента для церкви болгарскаго народа, съ котораго христіанство какъ бы сняло печать исконнаго варварства; вмѣстѣ съ болгарами онъ съ радостью празднуетъ торжественную память Климента. Очевидно, далекій отъ болгаръ по своимъ патріотическимъ симпатіямъ, авторъ былъ связанъ съ ними общностью церковной жизни. Какъ писатель, онъ обладалъ выдающеюся богословскою и свѣтскою образованностью, былъ знакомъ съ святоотеческими твореніями и классической литературой. Въ житіи — много текстовъ св. писанія, есть ссылка на Климента Александрійскаго, выраженія изъ сочиненій Фотія, попутно приводятся факты изъ церковной исторіи, припоминаются вселенскіе соборы, духоворецъ Македоній, манихеи, есть даже фраза изъ Демосѳена. Его витіеватый стиль въ высшей степени изысканъ. Всѣ эти признаки, взятые въ совокупности, очень близко роднят нашего автора съ личностью того писателя, имя котораго стоитъ въ надписаніи житія — бл. Теофилакта, архіепископа Болгарскаго, управлявшаго болгарскою церковью въ самомъ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій. Его имя сохранилось въ надписаніи житія во всѣхъ спискахъ, легшихъ въ основу всѣхъ изданій. Оно отсутствуетъ только въ отрывкѣ, изданномъ Алляціемъ по ватиканской ркпси, и это у Добровскаго было однимъ изъ основаній, по которымъ онъ отрицалъ принадлежность житія перу Теофилакта ¹⁾. Но указанные нами два аѳонскихъ списка того же отрывка сохранили въ заглавіи имя Теофилакта, и потому доводъ Добровскаго долженъ потерять свою силу.

Теофилактъ, какъ историческій дѣятель и какъ писатель, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки, о которыхъ заключаемъ изъ житія: чрезвычайно надменное отношеніе къ болгарамъ, официальную близость къ нимъ, обширную образованность, витіеватость слога. Особенно характерно для Теофилакта презрѣніе его къ болгарамъ. По словамъ авто-

¹⁾ Кпрялъ и Мееодій, 6.

ритетнаго изслѣдователя его эпохи, въ продолженіе всего архіепископства Теофилакта существовала „не рознь — это слово далеко не выражаетъ существа дѣла, — но рѣзкая вражда между архіепископомъ и его паствою“ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ письма Теофилакта полны самыхъ рѣзкихъ, проникнутыхъ нескрываемой враждой къ болгарамъ, отзывовъ объ ихъ качествахъ, природѣ, языкѣ. „Я состою въ рабствѣ...—пишетъ онъ великому Доместику—у грязныхъ рабовъ, варваровъ, отъ которыхъ несетъ собачьимъ запахомъ бараньей кожи, которые богаты только злонравіемъ“ ²⁾. Онъ постоянно рвался въ просвѣщенный Константинополь, такъ какъ болгарская страна для него „истинное мѣсто развращенія, селеніе Кеदारъ, желѣзная печь“ ³⁾, а „болгарская природа—питательница всякой злобы“ ⁴⁾. Болгарь онъ злобно называетъ „лицемѣрами, собаками“ ⁵⁾ и подобными именами. Эти варвары были интересны архіепископу развѣ только своими приношеніями, благодаря которымъ онъ могъ пересчитывать цѣлыми днями свое золото ⁶⁾. И однакожь тотъ же Теофилактъ былъ авторомъ „Исторіи тиверіупольскихъ мучениковъ“, въ которой выразился его интересъ къ болгарской агіографіи и близость къ болгарской церкви. Соединеніе тѣхъ же авторскихъ признаковъ—крайняго пренебреженія къ болгарамъ и теоретическаго интереса къ ихъ церковной исторіи—видимъ мы и въ житіи Климента.

А. Д. Воронову принадлежитъ попытка доказать авторство Теофилакта путемъ сопоставленія житія съ трактатомъ его *Περὶ τῶν ἐγκαλοῦνται λαίνοι*. Оба произведенія сходятся въ безусловномъ осужденіи римскаго ученія о св. Духѣ, при чемъ общая близость въ аргументаціи иногда простирается до совпаденія въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Хотя приведен-

¹⁾ О. И. Успенскій, Образованіе второго болгар. царства, Одесса, 1879. стр. 30.

²⁾ *Migne, Patrol. ser. gr., t. 126, c. 508.*

³⁾ *Ib.* c. 433.

⁴⁾ *Ib.* c. 444.

⁵⁾ *Ib.* c. 433.

⁶⁾ По крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на него его современники. Въ одномъ письмѣ къ врачу Михаилу Пантехнесу онъ самъ пишетъ о себѣ: *Ὁ δὲ πῶς, Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος, ἢ, ὡσπερ ὀρθοί τε καὶ ἀνομοῦνοι, αἰνῶται μεθ' αὐτοῖς ἐκμετρίσθαι τοὺς χρυσίους ἐξόσις ἡμέρας, τῆρ ἐπιτέρας παροσίων ὡς πτοχῶν ἕνως αἰφάται, ὡς πρῶτισιν.* *Ib.* p. 500, epist. 73.

ныхъ Вороновымъ параллельныхъ мѣстъ было недостаточно, чтобы окончательно упрочить авторство Теофилакта, но сама по себѣ мысль о сличеніи житія съ произведеніями Теофилакта оказывается въ высшей степени плодотворной, если привлечь къ сравненію и толкованія его на новый завѣтъ. Результатомъ сличеній является наблюденіе, что почти вся 8-ая глава житія, заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе западнаго ученія о Filioque, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненное толкованіе на евангеліе отъ Иоан. III гл., 31—34 стт.

Доказательства истинности православнаго ученія о св. Духѣ и доводы противъ ереси латинянъ здѣсь совершенно тѣ же, какіе въ 8 гл. житія впадаютъ въ уста Горазда и Климента, съ различіемъ только въ порядкѣ и распространенности мыслей. Нѣкоторыя положенія тамъ и здѣсь заимствованы изъ сочиненія патр. Фотія, другія принадлежатъ самому автору. Терминологія и формулировка мыслей отражаютъ вліяніе сочиненія Фотія *Περὶ τῆς τοῦ ἁγ. Πνεύματος μετὰ τοῦ υἱοῦ*: ¹⁾. Находя, что въ св. писаніи нѣтъ никакихъ данныхъ для ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Сына (*πίστις διὸν ὅτι ἐπὶ γραφῆς μαρτυροῦμένην* жит. Клим., ср. *ὁ δὲ εἰς γραφῆ μαρτυρεῖ* ²⁾), составитель житія и толкованія на евангеліе останавливается на однихъ и тѣхъ же фактахъ евангельской исторіи, разбираетъ нѣсколько однихъ и тѣхъ же выраженій св. писанія (Иоан. XX, 22; Исаи XI, 2—3) и орудуетъ одними и тѣми же богословскими формулировками, заимствованными у Фотія: *πορεύεσθαι*, *χορηγῆσθαι* и др. Совпаденіе мыслей простирается мѣстами до совпаденія въ выраженіяхъ. Вотъ нѣсколько параллельныхъ выдержекъ.

Житіе Климента. | Толков. на Иоан. VIII, 31—34. ³⁾

Πνεῖς γὰρ Πνεῦμα μὲν Υἱοῦ, λέγεται δὲ τὸ Πνεῦμα εἶναι ἐπεὶ καὶ Πνεῦμα ζωῆς καὶ ἀλη- τοῦ Υἱοῦ, καθὼ ἀλήθεια μὲν ἐστὶν θείας, ἡ ὁ Υἱός, καὶ τοῦν Χρὶ ὁ Υἱός, καὶ δέταμις καὶ σοφία. στοῦ τὸ Πνεῦμα πιστεύομεν.

Ἐκ Πατρὸς μὲν προέρχαι τὸ Πνεῦμα οὐ τὸ Πνεῦμα ἐκ τοῦ

¹⁾ *Migne*, *Patrol. ser. gr.*, t. 102, col. 284 и др.

²⁾ *Migne*, *Patrol. ser. gr.*, t. 123, col. 1224.

³⁾ *Ib.*

Πνεῦμα... περιστεύαμεν. εἶναι Πατρὸς μὲν προΐεσαι, δι' Υἱοῦ δὲ καὶ τοῦ Υἱοῦ οὐκ εἶον καὶ δι' χορηγεῖσθαι τῇ κτίσει. αὐτοῦ χορηγεῖσθαι τοῖς ἀξίοις.

Εἰ δὲ τὸ ἐμφυσῆσαι τὸν Υἱὸν. Ναὶ, φασίν, ἀλλ' ἐνεφύσησε τοῖς τοῖς ἀποστόλοις καὶ εἰπεῖν, λάβετε Πνεῦμα μαθηταῖς, καὶ εἶπε. λάβετε Πνεῦμα βεθε Πνεῦμα ἅγιον τοῦτό σε ἅγιον. Βαβαί τῆς παρρωσίας!.. Φα- ταιρίττει, παχέως τοῖς εὐαγγελί- νερόν γάρ, ὡς τότε αὐτοῖς οὐ τὸ οἰς ὁμίλησας χέρισμα γάρ τοῖς ἅγιον Πνεῦμα δέδωκεν, ἀλλὰ χέ- ἀποστόλοις ἐν τῶν τοῦ Πνεύμα- ρισμα ἐν τῶν σοῦ Πνεύματος, τὸ τος δέδωκε τὸ ἡς ἀφέσεως. τῶν ἀφίεσαι τὰς ἀμαρτίας. Εὐθὺς γάρ ἀμαρτιῶν, ὡς δηλοῖ τοῖς ἐξῆς... ἐπάγει. "Ἄν τιῶν ἀγῆτε ἀμαρτίας. ἀλλ' οὐκ αὐτὸ τὸ Πνεῦμα τηρι- καῦτα τοῖς μαθηταῖς ἐχοῖσάτο.

Εἰ τότε τὸ Πνεῦμα δέδωκεν, Εἰ τότε ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς ἢ περισσῇ λοιπὸν ἢ ἐν τῇ Περτη- τὸ Πνεῦμα, ὅτι ἐνεφύσησε, πῶς τοςτῇ τούτου κἀποδοσ, ἢ ἄλλου λοιπὸν ἔλεγεν αὐτοῖς, ὅτι "Ἀή- πνεύματος. ψεσθε δύναιμιν"...; ἢ πῶς ἐν τῇ Περτητοςτῇ πιστεύομεν τὴν κἀπο- δον γετέσθαι τοῦ Πνεύματος.

...δύο δὲ ποιούντες ὁμῆς ἀρχάς, ...ἵνα μὴ δύο τοὺς αἰτίους τοῦ τοῦ μὲν Υἱοῦ τὸν Πατέρα, τοῦ Πνεύματος εἰσάξωμεν, τὸν τε Πα- δὲ Πνεύματος τὸν Υἱόν... τέρα καὶ τὸν Υἱόν.

Сходство приведенныхъ выраженій можетъ быть объясне- но лишь въ томъ смыслѣ, что авторомъ житія и толкованія на евангеліе отъ Іоанна было одно и то же лицо—бл. Тео- филиактъ.

Еще однимъ доказательствомъ авторства Теофилакта слу- жить составленіе имъ службъ въ честь Климента. Аѳанасіѣ Паросскій въ *Ἄκ* и въ *Ὁδὸ. Κρ.* называетъ въ качествѣ глаша- таевъ славы Климента архіепископовъ Теофилакта, Димит- рія Хоматіана и Константина Кавасилу. Службы, изданныя г. Баласчевымъ ¹⁾, даютъ основаніе присоединить сюда архіеп. Григорія и отчасти Козьму, митроп. Драчскаго. Такимъ обра- зомъ, въ составленіи службъ принималъ участіе цѣлый рядъ охридскихъ владыкъ, поддерживавшихъ культъ Климента въ Охридѣ и ея окрестностяхъ. Для насъ важно, что пер- вымъ авторомъ службъ и ревнителемъ славы святого былъ

¹⁾ *Баласчевъ*. Климентъ епископъ Словѣнски и служба-та му по старъ словѣнски прѣводъ. Софія, 1898.

Теофилактъ. Ему принадлежатъ пѣснопѣнія великой вечерни и канонъ съ краеграпиемъ: *Κλημεντος μέγα κῆδος ἐν ἀσισβιν ἕξοχα μέλλω*. Отсюда становится несомнѣннымъ не только интересъ Теофилакта къ личности святителя, но и стремленіе прославить его и увѣковѣчить память о его подвигахъ. Богослужбные каноны и житія святыхъ обычно составлялись одновременно, при чемъ послѣднія служили основой для первыхъ. Самыя житія всего чаще опредѣлялись цѣлями богослужбнаго назиданія. Пѣснопѣнія, составленныя Теофилактомъ, находятся въ тѣсной связи съ житіемъ: они составлены на основаніи житія, воспроизводятъ матеріаль, заключающійся въ немъ, и по своему содержанію и общему характеру очень близки къ нему. Взглядъ на болгаръ, какъ на народъ дикій и грубый, просвѣщенный только христіанствомъ, просвѣчивается во многихъ тропаряхъ канона. *Λόγος τὸς πρὸν τῇ αλογία, ὅσπε, κερρατουμέτους ἔλόν*, читаемъ въ одномъ изъ нихъ, *πρὸς θεϊκῆν γνῶσιν... ἐσκήρευσα*: (Лк. 15 ср. III гл. житія). Какъ и въ житіи, Теофилактъ прославляетъ чудеса Климента и упоминаетъ о храмѣ, въ которомъ былъ самъ Климентъ, (*ἐν ᾧ αὐτός ἐτι περιώρη*) и который представляется существующимъ во время составителя (Лк. 23 ср. XXIII гл. житія).

Бросая далѣе общій взглядъ на все содержаніе житія въ его цѣломъ, мы должны отмѣтить въ немъ нѣкоторыя тенденціи, вполнѣ согласныя съ характеромъ убѣжденій и дѣятельности бл. Теофилакта. Одна изъ нихъ опредѣляется полемическимъ отношеніемъ автора къ римскому ученію объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Другая состоитъ въ стремленіи выставить славянскихъ первоучителей переводчиками только св. Писанія и по возможности замолчать факты, связанные съ исторіей богослуженія на славянскомъ языкѣ. Обѣ эти тенденціи уже не разъ отмѣчались въ ученой литературѣ.

Но пристальнымъ анализомъ житія въ немъ вскрывается еще одна предвзятая мысль, которая, подтверждая его принадлежность Теофилакту, въ то же время проливаетъ свѣтъ на ближайшіе мотивы его написанія. Въ житіи бросается въ глаза слишкомъ откровенная внимательность автора къ нѣкоторымъ подробностямъ изъ жизни Климента, тѣсно связаннымъ съ вопросомъ объ экономическомъ положеніи бол-

гарской церкви. Для того, чтобы понять эти подробности, нужно обратить внимание на положение экономического вопроса в Охридской архиепископии при Теофилактѣ. После подчинения Болгарии под власть Византии (1018 г.), первая вмѣстѣ съ конституціей въ гражданской жизни получила дарственную грамоту, подтверждавшую ненарушимость ея церковныхъ правъ, опредѣлявшихся старыми грамотами болгарскихъ царей. Какъ видно изъ хризовуловъ Василія Болгаробойцы, византійское правительство не только признало автокефальность болгарской церкви, но и подтвердило владѣльческія права ея: 1) клирики и парики освобождались отъ натуральныхъ повинностей въ пользу государства; 2) церковныя земли и угодія, которыми владѣли епископы, были изъяты изъ вѣдомства государственныхъ чиновъ; 3) епископы пользовались такъ называемою каноническою податью, которая собиралась съ церковныхъ крестьянъ, а также съ валаховъ и турокъ, жившихъ въ предѣлахъ Болгаріи ¹⁾. Но съ теченіемъ времени права церкви стали забываться, и привилегіи духовенства, вслѣдствіе произвола правительственныхъ лицъ, начали урѣзываться. Теофилакта это сильно возмущало. Притязанія фиска и свѣтской власти были для него не только нарушеніемъ правъ церкви, но и источникомъ собственныхъ лишеній. Его многочисленныя письма, переполненныя жалобами на несправедливости, показываютъ, какъ сильно интересовалъ этотъ вопросъ Охридскаго архіепископа. Для иллюстраціи нашего положенія приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ его писемъ. „Милости божественныхъ мужей—пишетъ Теофилактъ къ севасту Іоанну, сыну севастократора—должны быть такъ же полны и безвозвратны, какъ милости Божіи. Если твоя власть даровала намъ то, что уже прежде было пожаловано боговѣнчаннымъ и державнымъ царемъ въ пользу церкви..., зачѣмъ отмѣнять эту милость, святой мой господинъ и благодѣтель?.. Но есть еще время уврачевать рану тою же рукою, которая поразила: благоволи распорядиться, чтобы сняты были съ іереевъ всѣ тягости и повинности, отбываемыя мірянами въ пользу государства, и чтобы было имъ возвращено, что у нихъ взято“ ²⁾.

¹⁾ *Θ. Π. Успенскій*, *op. cit.* 20 стр.

²⁾ *Migne. Patrol. ser. gr., t. 126, col. 516.* Пользуемся переводомъ Успенскаго, *цит. соч.*, 21.

Въ письмѣ къ паниперсевасту Вріеннію, онъ пишетъ: „Главнѣйше, что достойно слезъ, многіе (клирики) не пользовались свободою отъ дани въ одинъ зевгарій..., но не только подверглись вымогательствамъ въ томъ, въ чемъ они считали себя изъятими, но и чрезмѣрнымъ начетамъ... То же самое я могу сказать и о дани, которую онъ (сборщикъ) собралъ съ церковныхъ людей. И они, монахи и священныя внухи, обложены были весьма несправедливо... Меня самого подвергъ ужаснымъ вымогательствамъ“ ¹⁾. Особенно занимало Теофилакта дѣло объ одномъ помѣстьѣ, незаконно у него отнятомъ. „И наконецъ, господинъ мой,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ севасту—сыну севастократора,—одно помѣстье, которое издревле принадлежало церкви и изъято было отъ государственныхъ повинностей, отнятымъ отъ церкви по волѣ царя, подобно тому, какъ это сдѣлано и относительно помѣстій всѣхъ архонтовъ... Было бы справедливо, чтобы благочестивый родъ Дукъ уважалъ прежде всего права церкви, владѣвшей издавна этимъ помѣстьемъ“ ²⁾.

Уже и приведенныхъ выдержекъ, кажется, достаточно, чтобы показать, какъ близко къ сердцу принималъ Теофилактъ нарушеніе имущественныхъ правъ церкви. Разумѣется, самымъ вѣскимъ доказательствомъ законности этихъ правъ могли быть историческія данныя. Жизнь Климента, какъ великаго патрона болгарской церкви, связаннаго съ Охридой, осыпаннаго благодѣяніями князей, давала обширный матеріалъ для историческаго освѣщенія интересовавшаго Теофилакта вопроса, и Теофилактъ умѣло воспользовался этимъ матеріаломъ. Онъ никогда не пропускаетъ случая, чтобы подчеркнуть въ жизни Климента и его сотрудниковъ факты, обезпечивавшіе имъ независимость и матеріальное благосостояніе. Когда моравскіе изгнанники предстали предъ княземъ Борисомъ, онъ, „давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ опредѣлить имъ жилища, назначенныя для первыхъ изъ его друзей, и предоставилъ имъ во всемъ изобиліи пользоваться всѣмъ необходимымъ, вполне понимая, что развлеченіе мысли заботою о какой-нибудь маловажной потребности тѣлесной весьма много отнимаетъ отъ занятій, посвященныхъ Богу“ (XVI).

¹⁾ *Migne, Patr. log. t. 126, col. 448.*

²⁾ *Ib. col. 534—535.*

Поселившись у Эхача, Климентъ и Наумъ, „сѣя сѣмена духовныя, сами пожинали тѣлесныя плоды въ домѣ этого челоуѣка“ (XVI). Назначеніе Климента учителемъ Кутмичивницы сопровождалось княжескими приказаніями жителямъ всей страны, „чтобы этого святого принимать съ усердіемъ и доставлять ему все въ изобиліи и самое лучшее, привѣтствовать его дарами и посредствомъ видимыхъ сокровищъ любви“ (XVII). „Самъ Борисъ предложилъ въ даръ блаженнѣйшему Клименту три дворца въ Діаболеѣ, превосходные по великолѣбію, принадлежавшіе графскому (*κομιτῶν*) роду. Кромѣ того около Охриды и Главиницы подарилъ ему мѣста для отдохновенія“ (XVII). Благодаренія князя служили примѣромъ для другихъ (XVIII). Даже многочисленнымъ ученикамъ Климента дарованы были привилегіи: „въ каждомъ округѣ отправленіе дѣлъ поручалось тремъ стамъ учениковъ, которые... сами не несли никакой повинности князю, но приносили службу Богу и Ему опредѣлены были платить, или правильнѣе воздавать долгъ“ (XVIII). Наконецъ, авторъ особенно подробно говоритъ о завѣщаніи Климента, по которому его имущество на законныхъ основаніяхъ перешло во владѣніе Охридской архіепископіи и монастыря. „Онъ дѣлаетъ завѣщаніе,—и это согласно съ канонами (*καὶ τοῦτο γὰρ κανονικόν*),—какъ о книгахъ, имъ написанныхъ, такъ и о прочемъ имуществѣ. Раздѣливши все на двѣ части, одну половину оставилъ епископіи, а другую обители... Ибо онъ допускалъ и приобрѣтеніе отъ благовѣрныхъ князей и царей, которыхъ никакъ не должно охлаждать отказомъ“ (XXVI). Всѣ эти сообщенія не могли быть рассчитаны на религіозное назиданіе или на простое любопытство къ обыденнымъ подробностямъ жизни святого. Они были историческими справками церковнаго дѣятеля, который хотѣлъ въ прошломъ найти опору для своихъ привилегій.

Въ связи съ защитой экономическихъ правъ церкви болгарской въ житіи можно видѣть глухой протестъ противъ посягательствъ Константинопольскаго патріарха на независимость Охридской архіепископіи. Эти посягательства состояли въ стремленіи патріарха подчинить ее своей власти или назначить особаго эжарха. Теофилактъ, какъ извѣстно, отстаивалъ полную независимость своей паствы отъ Константинопольскаго патріарха. „Какое общеніе, говорилъ онъ, у

болгаръ съ Константинопольскимъ патріархомъ? онъ не имѣетъ въ этой странѣ ни законной хиротоніи, такъ какъ у нея есть автокефальный архіепископъ, и никакихъ надъ ней привилегій“¹⁾. Сообразно съ этимъ и въ житіи Климента онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ участіи патріарха въ посольствѣ святыхъ братьевъ въ Моравію и объ отношеніи его къ славянской церкви. Напротивъ, просвѣтительную дѣятельность святыхъ братьевъ онъ склоненъ поставить даже въ нѣкоторую зависимость отъ папскаго одобренія, объясняя мотивы путешествія ихъ въ Римъ желаніемъ „показать блаженнѣйшему папѣ трудъ своего перевода св. Писанія“ (III).

На основаніи всей совокупности приведенныхъ соображеній съ достаточной твердостью можно признать житіе произведеніемъ Теофилакта и, слѣдовательно, отнести его къ концу 11-го или самому началу 12-го столѣтія.

Теофилактъ былъ составителемъ житія въ полномъ смыслѣ слова, а не только редакторомъ того первоисточника, въ которомъ изображалась жизнь и дѣятельность Климента. За это говорятъ и широкія рамки повѣствованія, включающія въ себя факты различныхъ, отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ, и своеобразное освѣщеніе всего историческаго матеріала сообразно съ тенденціями автора, и, наконецъ, значительное мѣсто, которое занимаетъ въ житіи исторія свв. Кирилла и Меѳодія. Излагая послѣднюю, авторъ не былъ просто во власти древняго жизнеописателя Климента, потому что размѣры воспроизведенія этой исторіи для него были вопросомъ силы собственнаго литературнаго таланта: ему, по собственному признанію, хотѣлось изобразить всю жизнь славянскихъ просвѣтителей, но скромность помѣшала взяться за этотъ сложный трудъ. Несомнѣнно, у него былъ не одинъ источникъ, а нѣсколько—сложенныхъ имъ въ одно цѣлое по всѣмъ правиламъ современной византійской агіологии. Всѣ они подверглись здѣсь столь искусственной обработкѣ и витіеватымъ риторическимъ прикрасамъ, столь смѣлымъ перетолкованіямъ и амплификаціямъ, что могутъ быть опредѣлены и оцѣнены, въ отношеніи къ своимъ историческимъ основамъ, лишь путемъ тщательнаго анализа содержанія житія.

¹⁾ Ib. col. 417.

По своему содержанию и отношенію къ источникамъ житіе можетъ быть раздѣлено на три части: 1. исторія Кирилла и Меѳодія (I—VI); 2. исторія славянскаго дѣла въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія при ученикахъ его до изгнанія ихъ изъ Моравіи (VII—XIII); 3. исторія жизни и дѣятельности Климента въ Болгаріи (XIV—XXIX).

1. Для первой части источниками у составителя были: а) славянскія пространныя житія Кирилла и Меѳодія и 2) какое-то свидѣтельство о просвѣтительной дѣятельности ихъ въ Болгаріи. Утверждая, что житіе Климента находится въ зависимости отъ т. н. паннонскихъ житій, мы основываемся на близкомъ сходствѣ заключающихся здѣсь и тамъ отдѣльныхъ свѣдѣній о первоучителяхъ, при чемъ даже явныя несообразности разбираемаго произведенія—превращеніе Моравіи въ *Móραβος* или рассказъ о торжественной церковной встрѣчѣ, устроенной папою собственно свв. братьямъ (а не мощамъ св. Климента)—удовлетворительнѣе всего объясняются изъ паннонскихъ житій. Къ концу XI-го вѣка изъ другихъ памятниковъ уже могли быть въ обращеніи въ славянскомъ мірѣ Итальянская легенда и, можетъ быть, Успеніе Кирилла и греческій источникъ Хиландарской повѣсти. Но ни отъ одного изъ нихъ нельзя поставить въ столь ясную зависимость житія Климента. Правда, еще Добровскій путемъ сличенія его съ Итальянской легендой пришелъ къ выводу, что греческій биографъ заимствовалъ изъ послѣдней повѣствованіе о путешествіи свв. братьевъ въ Римъ и пребываніи ихъ тамъ, хотя и перетолковалъ это повѣствованіе по своему произволу. „Греческій биографъ—говоритъ онъ—не сходствуетъ (съ Итальянск. легендой) только въ томъ, что нигдѣ не называетъ Кирилла епископомъ, потому-ли, что въ его рукописи не было словъ *ἐπισκοπος*, или онъ не хотѣлъ принимать ихъ свидѣтельствъ“¹⁾. Но Добровскій такъ думалъ потому, что въ его время еще не были извѣстны пространныя житія. Если же принять въ расчетъ, что Итальянская легенда въ большей части своей совпадаетъ съ житіемъ Кирилла и, очевидно, основывается на немъ, то станетъ яснымъ и то, почему она оказывается сходной съ житіемъ Климента, и то, почему послѣднее отличается отъ нея отсутствіемъ упоминанія о епископствѣ Ки-

¹⁾ Кир. и Меѳ., 9.

рилла. Первое объясняется зависимостью и Итальянской легенды и житія Климента отъ одного источника—отъ житія Кирилла; второе—отсутствіемъ свѣдѣній о епископствѣ Кирилла въ панпонскихъ житіяхъ.

Зависимость греческаго біографа отъ славянскихъ житій начинается съ I-ой же, вступительной, главы. Основная мысль введенія въ греческомъ и славянскихъ житіяхъ одна и та же: Промыслъ Божій никогда не оставляетъ рода человѣческаго, но воздвигаетъ людей великой силы во всѣ времена и для всѣхъ поколѣній, не исключая и послѣдняго времени и новыхъ поколѣній,—„въ нашилѣта“ жит. Мее. (II) ср. *ἐν τοῖς ἐσχάτοις καιροῖς* (I); „въ нашъ родъ“ жит. Кир. (I) ср. *ἢ δὲ ἡμετέροισιν*. II-ая глава, заключающая въ себѣ характеристику Кирилла и Меодія и рассказъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, носитъ на себѣ черты слишкомъ бѣгло, сокращающаго, и при томъ произвольнаго, пересказа, чтобы здѣсь могли сохраниться подробности подлинника. Обращаетъ на себя вниманіе только упоминаніе о молитвѣ, предшествовавшей изобрѣтенію письменъ, основывающееся, очевидно, на XIV гл. жит. Кир. или V гл. жит. Мее. Вся III-я глава представляетъ собою пересказъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ XVII—XVIII гл. жит. Кирилла; сюда относятся свѣдѣнія о прибытіи свв. братьевъ въ Римъ, о встрѣчѣ ихъ папою Адрианомъ, объ одобреніи папою славянскаго перевода и объ освященіи славянскихъ книгъ, о принятіи Кирилломъ монашества, о его смерти и погребеніи, о чудесахъ при гробѣ его. Есть даже выраженіе, дословно повторяющееся въ греческомъ житіи: *въ святѣхъ иноуьскихъ образѣхъ облекъса и свѣтъ къ свѣтѣ примъ* (XVIII) ср. *τὸ τῶν μοναχῶν ὁμοίως ἐλαμβάνονται... καὶ φωτὶ φῶς προλαβόν* (III). Упоминаніе о томъ, что папа провозгласилъ первоучителей мужами „апостольскими“ есть предвосхищеніе и распространеніе той мысли объ апостольскомъ достоинствѣ Меодія, которая находится въ письмѣ папы Іоанна VIII и воспроизведена въ XII гл. жит. Мее.: *Меодіи святѣхъ первоучителювъ есть и апостольско дѣланіе дѣлаеть*. Нѣкоторые моменты жизни и дѣятельности Меодія послѣ смерти брата его, о которыхъ рѣчь идетъ въ IV—VI главахъ, своеобразно воспроизводятся на основаніи житія Меодія. Борьба Меодія съ еретиками—іонатарами, угнетавшими святого безчисленными озлобленіями, изобра-

жается греческимъ біографомъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на догматическую сторону полемики, на основаніи данныхъ XII—XIII и слѣд. главъ жит. Меѳ. Какъ по житію Климента, (VI) такъ и по житію Меѳодія (XVII), послѣдній за три дня предсказалъ свою кончину. Въ остальномъ мы видимъ или сокращеніе и изложеніе въ самыхъ общихъ чертахъ того, что въ житіи Меѳодія рассказано подробно, или, наоборотъ, риторическое распространеніе или видоизмѣненіе его показаній.

Но, пользуясь пространными житіями, авторъ обошелся съ ними въ высшей степени самовольно. Для этого были достаточныя причины. Въ противоположность простотѣ славянскихъ житій, житіе Климента отличается такой искусственностью, которая исключала для автора возможность буквальныхъ выдержекъ изъ нихъ и требовала соотвѣтствующей передѣлки заимствованнаго матеріала въ напыщенномъ стилѣ. Другой причиной было недостаточное знакомство его съ исторіей западныхъ славянъ. Наконецъ, на каждомъ шагѣ въ житіи видны тенденціозность и скрытыя соображенія, въ жертву которымъ слишкомъ смѣло приносилась историческая точность событій.

Разсматриваемыя съ точки зрѣнія этихъ соображеній, всѣ отступленія греческаго житія отъ славянскихъ и особенности въ содержаніи его по сравненію съ ними получаютъ, на нашъ взглядъ, вполне удовлетворительное объясненіе.

а) Побужденія, заставившія первоучителей отправиться въ Римъ къ папѣ съ славянскимъ переводомъ, въ житіи Климента объясняются довольно туманно: „знавши, что и Павель сообщалъ апостоламъ о своемъ благовѣствованіи, спѣшать и они въ Римъ, чтобы показать блаженнѣйшему папѣ трудъ своего перевода св. писанія“ (III). Это объясненіе является результатомъ а) неяснаго представленія автора о церковномъ отношеніи къ папѣ моравскихъ славянъ и б) стремленія по возможности представить дѣло свв. братьевъ внѣ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, чтобы воспользоваться славнымъ прошлымъ славянской церкви для укрѣпленія автокефальности своей архіепископіи.

б) Въ довольно близкихъ выраженіяхъ въ житіи Климента (III) и въ житіи Кирилла (XVII) рассказывается о торжественномъ приѣмѣ, оказанномъ папою свв. братьямъ, и о

чудесахъ, которыми сопровождалось ихъ вступленіе въ Римъ. Но объясняется этотъ фактъ здѣсь и тамъ различно. Въ славянскомъ житіи церковная встрѣча относится къ мощамъ св. Климента Римскаго, принесеннымъ свв. братьями въ Римъ, равно какъ и чудеса приписываются его мощамъ. Въ житіи Климента вся исключительная торжественность этой встрѣчи, съ преднесеніемъ креста, со свѣтильниками и съ участіемъ всего священническаго чина, относится къ самимъ Кириллу и Меѳодію, которымъ приписываются и совершившіяся здѣсь чудеса, тогда какъ о мощахъ Климента Римскаго нѣтъ ни единого слова. Затаенный смыслъ и причина этого измѣненія и умолчанія понятны: автору—греку былъ непріятенъ фактъ перенесенія мощей Климента изъ предѣловъ восточной церкви въ Римъ, поэтому онъ предпочелъ о немъ совсѣмъ умолчать и отнести встрѣчу прямо къ первоучителямъ. Этотъ приемъ находится въ соотвѣтствіи съ обычнымъ умалчиваніемъ о перенесеніи мощей Климента въ Римъ у византійскихъ писателей ¹⁾ и съ утвержденіемъ ихъ, что мощи Климента хранятся въ Константинополѣ.

в) Біографъ Климентовъ говоритъ о посвященіи Меѳодія въ епископа въ первое посѣщеніе имъ Рима, тогда какъ біографъ Меѳодія заставляеть его специально для этой цѣли отправиться въ Римъ вторично. Очевидно, первый говоритъ сразу и въ общихъ чертахъ о томъ, что по паннонскому житію совершилось впоследствии.

г) Меѳодій въ житіи Климента называется епископомъ *Морава Паннонскаго* — *ἐπίσκοπος Μοράβου τῆς Πανονίας*, при чемъ едва-ли можно сказать опредѣленно, какія географическія или историческія понятія соединялись у автора съ этими именами. Еще непонятнѣе выраженіе: *Μεθόδιος, ὁς τῆρ Πανόνων ἐπισκοπῆν ἐξόβησεν ἱεροεπίσκοπος Μοράβου γειόμενος*.

1) На отсутствіе упоминанія въ греческихъ источникахъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента и перенесеніи ихъ въ Римъ Константиновомъ Философомъ обратилъ вниманіе еще *Ассемани*, который выражаетъ удивленіе, почему объ этомъ нѣтъ рѣчи ни въ Митологіи Василія, ни у Метафраста, и допускаеть совершенно невѣроятное объясненіе этого молчанія: *Nimirum, Constantinus debuit ea sacra lipsana ciam Chersoniensibus inde auferre, a quibus summa religione colebantur. Calendaria eccl. univ. V, p. 382.*

Какимъ образомъ Меѳодій, будучи архіепископомъ Моравскимъ, могъ украсить епархію Панновскую? Эти лишеныя опредѣленнаго смысла извѣстія находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе а) въ смутномъ представленіи автора о тѣхъ славянскихъ странахъ, о которыхъ онъ читалъ въ житіи Меѳодія, и б) въ слишкомъ бѣгломъ, сокращающемъ пересказъ содержанія этого житія. Если даже у такого писателя, какъ Константинъ Багрянородный, свѣдѣнія о Моравіи и Панноніи отличаются неясностью и спутанностью, то тѣмъ понятнѣе это у писателя—грека XI—XII ст. Во время составленія житія Климента Моравіи, какъ самостоятельнаго государства, давно уже не существовало. Между тѣмъ Теофилактъ было извѣстно нѣсколько городовъ съ именемъ *Μοραβος* въ Болгаріи и Панноніи; (ср. письмо къ Таронитопулу, скопскому дукѣ ¹⁾). И вотъ, подъ вліяніемъ этого, подъ перомъ его *Морава* панновскаго житія, превращается въ какой-то мало понятный ему самому *Μοραβος*. Не найдя въ панновскомъ житіи указанія на городъ, въ которомъ находилась кафедра Меѳодія, и послѣдовательно читая объ епископствѣ его въ Панноніи и Моравіи, онъ предпочелъ соединить ихъ вмѣсто, представляя себѣ, очевидно, Моравъ городомъ Панноніи (ср. выраженіе *Παγορίας συνάβουης κρατοῦντα* въ приложеніи къ Коцелу IV). И это, однакожъ, нисколько не помѣшало ему, вслѣдъ за панновскимъ житіемъ, разграничивать Паннонію и Моравію, какъ два отдѣльныя государства съ отдѣльными князьями.

д) По словамъ греческаго житія, Меѳодій, будучи епископомъ Моравскимъ, наставлялъ и вразумлялъ Моравскаго князя Ростислава (IV). Это сообщеніе исторически невѣрно, потому что, какъ видно изъ жит. Меѳодія (X), въ его епископство въ Моравіи княземъ былъ уже Святополкъ. Оно находится въ зависимости отъ соединенія авторомъ Моравіи и Панноніи въ одну страну, епископомъ которой Меѳодій сдѣлался, по его представленію, съ того момента, когда получилъ хиротонію въ Римѣ, т. е., дѣйствительно, въ царствованіе Ростислава. Если при этомъ имѣть въ виду совершенную неясность представленій автора о географическихъ предѣлахъ не только Моравіи и Панноніи, но и тогдашней

¹⁾ *Migne*, t. 126, с. 525.

Болгаріи, то станеть понятнымъ и другое нелѣпое сообщеніе, — будто Меѳодій одновременно вразумлялъ и поучалъ трехъ князей: Ростислава Моравскаго, Коцела Паннонскаго и Бориса Болгарскаго (ib.).

е) По греческому житію, Меѳодій занималъ архіерейскую каѳедру 24 года (VI), тогда какъ въ дѣйствительности, какъ можно заключать изъ житія его, въ архіерейскомъ санѣ онъ былъ около 14—15 лѣтъ. Это свѣдѣніе греческаго житія не разъ уже вносило путаницу въ Кирилло-Меѳодіевскую хронологію; на основаніи его *Ваттенбахъ* относилъ смерть Меѳодія даже къ 892 году ¹⁾. Возможно двойное объясненіе дѣла. Или фраза: *τέταρτον μὲν πρὸς τῷ εἰκοστῷ ἔτος τῆ ἀρχιερωσύνην ἐπιτρέψας* представляетъ собою испорченное мѣсто, которому слѣдуетъ предпочесть соотвѣтствующее выраженіе въ *Аж. и Одр. Кр.*: *εἰκοστέσσαρας χρόνους ἐποιήσατε τὸ ἐπιθρησκῆν αὐτῷ ποιήτων*, если только оно восходитъ къ подлиннику Аѳанасія, а не исправляетъ древній текстъ. Въ такомъ случаѣ здѣсь рѣчь идетъ о 24 годахъ всей дѣятельности Меѳодія между славянами ²⁾. Или же, если признать общепринятое чтеніе первоначальнымъ, здѣсь нужно видѣть ошибку автора, которая явилась вслѣдствіе неудачнаго приведенія къ единству хронологическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ паннонскихъ житій и изъ того источника, который послужилъ ему для дальнѣйшихъ частей житія.

Н. Туницкій.

¹⁾ *Wattenbach*, Beitrage zur Gesch. der christl. Kirche in Maehren und Boehmen. Wien. 1849. S. 29.

²⁾ Такъ и понимали это мѣсто, предполагая въ немъ ошибку или „обмолвку языка“. *А. В. Горскій* (Кир. Меѳ сборн. Погодиша, 41) п за нимъ пр. *Филаретъ* (ib. 59).